

Председателю Комитета
Партийного контроля при ЦК КПСС
тов. Комарову

от члена КП Белоруссии
Александровича Андрея Ивановича

В сентябре месяце 1954 года мной было направлено заявление на имя (секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева. В заявлении я просил дать указание Прокуратуре СССР пересмотреть моё дело, сняв с меня позорные пятно буржуазного националиста, так как я никогда врагом партии и народа не был а всю свою сознательную жизнь активно боролся с империализмом, буржуазией, кулацкой идеологией.

В мае месяце 1954г. я получил уведомление из Главной Военной Прокуратуры (и 40465-38), что заявление моё, адресованное на имя Н. С. Хрущева, поступило в прокуратуру и проверяется.

Однако уже прошёл год, а ответа я из Прокуратуры не получил.

Трагиче самым содействием об прекращении пересмотра моего дела,

вернуть меня к планомерной общественной жизни, как ни в чём не бывавшего перед Родиной, восстановив в рядах КПСС, которой я меня растича и воспитывала, под руководством которой я занимался в борьбе с националистами, мудрость которой я воспеваю в своих произведениях.

Арестован я был 2-го июля 1938 года органами НКВД БССР и несправедливо осуждён Военной Коллегией Верховного суда СССР к 15 годам исправительно-трудовых лагерей.

По ходатайству ЦК КПБ, 29 ноября 1946г. Президиум Верховного суда СССР пересмотрел моё дело и заменил срок моего пребывания в заключении на 8 лет, т.е. на тот срок, который к моменту освобождения я уже отбыл. Таким образом, досрочно на 7 лет я был освобождён из заключения.

В 1949г. меня вновь арестовывали

в г. Минске и решением Особого совещания ЦК ВД СССР выдвинутой на вышнее назначение в Красноярский край.

В 1954 г. решение Особого совещания о моем составе отменяется и меня снимают с Учета в Коминдагуре НКВД.

Бюрографическая справка

Родился в г. Минске, в семье рабочего-сайотника, 9-го января 1906 года.

В 1921 году я начал печатать свои стихи в газете "Савецкая Беларусь" и журнале "Паломы". Таким образом, вступил 15-летним подростком и вступил в молодежную среду республики.

С 1923 г. - член ЛКСМБ, был депутатом ряда съездов Комсомола Белоруссии, избран членом в состав ЦК ЛКСМБ.

В 1925 г. был принят кандидатом в члены КПБ. В 1928 г. я поступил студентом в Белорусский Государственный университет и русским переводчиком в Белорусский переводческий институт. Утверждение меня кандидатом в члены КПБ Высшейшим много перевода в члены КПБ Высшейшим партийными инстанциями задержали в связи с решением ЦК партии о проверке состава вузовских партий. Этим в 1929 году я был подвергнут проверке партийной комиссией по мере.

Комиссия в своем решении утвердила мою борьбу с белорусским буржуазным национализмом и предложила Кагановичскому Райкому КПБ г. Минска рассмотреть вопрос о моем переводе в члены КПБ. В начале 1930 г. Райкомом, а затем окружным КПБ г. Минска я был утвержден членом КПБ.

В последующие годы неоднократно избирался членом Минского Горкома и Окружного КПБ, был кандидатом в члены ЦК КПБ.

До ареста (1938 г.) работал редактором Комсомольского журнала "Молодые Арапы", редактором окружной газеты "Наш рабочий", редактором журнала "Заклик", зам. директора треста Белгоскино, директором Института языка Академии Наук БССР, зам. председателя Оргкомитета, а также членом правления Союза советских писателей БССР.

Избирался в члены ЦК БССР, был членом -

Карреспондентом Академии Наук БССР, членом 3
Правления Союза Советских Писателей СССР,
управлявал, в наместие делегата, в работе
VIII чрезвычайного съезда Советов СССР, на котором
был избран членом Редакционной Комиссии по
организационному редактированию текста
Конституции Союза ССР.

Я был одним из активных участников соз-
дания белорусской советской литературы, од-
ним из первых в белорусской литературе
выразителем идей рабочего класса и его
авангарда - коммунистической партии.
Именно поэтому мне выпала честь первую
из белорусских писателей начать издаваться
на страницах ЦО нашей партии "Правда".

К 1938г. было издано до 30 сборников
малых стихов и поэм на белорусском языке,
а также ряд сборников в переводе на
русский и другие языки народов СССР; было
издано до 20 книжек с иллюстрациями для
детей дошкольного возраста, отдельные
песни с нотами, наиболее массовые с за-
тислами малых стихов ("Сусветна з таварычам
Сталінкам", "Песня большаго", "Пагранічная
Алена", "Везарынка"), был выпущен первый
белорусский звуковой фильм на основе
мелодии "Песня імя вызвалення".

За свою творческую деятельность, за
первоначальную борьбу с буржуазными нацио-
налистами награжден орденом Почетными гра-
мотами ЦК БССР.

О моем т. н. "деле".

В обстановке невиданных для советских
органов приемов следствия, методами гру-
бейшего физического воздействия, а также
сегодня не следует вспоминать, было сфаб-
риковано обвинение, что я якобы являлся
участником к. р. Националистической орга-
низации, что я якобы вместе с Анной
Куйана и Любовью Колосом (я последним
действующим Верховным Советом СССР и БССР,
лауреатом Сталинских премий, орденом орденов,
народными поэтами Белоруссии) создавал
какой-то "националистический центр", что
я якобы вместе с ними готовил террористи-
ческий акт против К. С. Варошилова и что

Вместе с ними клуб объединил недовольных и
Советских властью с целью отторгнуть БССР
от Советского Союза.

От начала и до конца всё это вымысел и
злобная клеветная вражда партии и народа,
которые ставили своей задачей перебить
честные советские кадры.

И что это именно так, подтверждает заявление
Б. Секретаря ЦК КПБ и Председателя Совета
Министров БССР тов. Пономаренко П. К., на-
тёртый в 1947г. в беседе с белорусским поэтом
Максимом Танком сказал: - то, что произошло
с Александровичем, могло бы произойти с
любым другим белорусским писателем. (об этой
беседе рассказал мне М. Танк).

Как сработалось обвинение против меня?

Вынудив меня путем насилия стать на
пути самоубийца в т. н. показанных, следо-
вавшем НКВД, в "подтверждение" моей якобы
вражеской деятельности и саботажем фронту
огней стаяк.

Так, например, была организована огненная
стайка с ныне работающими в Академии Наук
БССР профессорами Даронкинскими. Будучи также
арестованным в 1938г., на огненной стайке г. до-
ронкин лично показал, что о том, что я яв-
ляюсь членом к.р. организации и что клуб
сказал клуб Колос.

И профессор г. Даронкин и харьковский поэт
Клуб Колос живы и здоровы и молодо и
трудятся на благо советского общества. Они
могут подтвердить, что я не только не был
членом какой-то к.р. организации, а наоборот,
они могут рассказать многое о моей упорной
борьбе со старой националисткой.

О качестве моих т. н. показаний, свиде-
тельствует хотя бы такой факт:

В 1933 году делегация белорусских советских
писателей в составе народный поэт Лили
Куртаны, писатель М. Лынькова и меня
выезжала на Украину на Тернополь в связи с
открытием Днепровска. Перед нами поехали,
как значится в показанных, известный националист
Игнашовский, мила, в беседе с нами дал за-
дание связаться с украинскими националистами,
установить с ними контакт для совместной
враждебной деятельности.

Известно, что Игнашовский застрелился в 1930г.,

Таким образом даётся нам "задание" в 1933 г. "и не лев".

И другие факты, приведённые в моих книжках, также вымышленные, так как не вымышленная лживость. Это касается показаний, данных на меня, до тех пор ни единого конкретного факта (ибо их не существовало и в природе!) который смог бы свидетельствовать о моей антимосковской работе. В этих клеветнических показаниях - лишь общие фразы, типа, мол, слыхали, что "Александрович, вместе с Я. Кухаром и Я. Колосом занимались националистической деятельностью на либеральном фронте".

Это гнуснейшая лживость и клевета врагов партии и народа, призванная бласфемически очеркнуть Я. Кухаром и Я. Колосом - выдающихся председателей первой сессии белорусской национальной конференции, состоявшейся на пути создания СССР, председателем которой Я. Кухаром и Я. Колосом, председателем молодой белорусской советской национальной газеты.

Левый путь - это путь советского поэта

На протяжении почти 20 лет творческой общественной деятельности я под руководством Коммунистической партии систематически вел непримиримую борьбу с национализмом.

В издаваемых большинством моих сочинений и трудов, в многочисленных изданиях, опубликованных в журналах и газетах Белоруссии, я разоблачал вражескую сущность т.н. "теории" национализма и не обходясь фразами, а конкретно, называя имена и фамилии настоятелей этих антинародных "теорий" и их подопёка.

И за это националисты меня ненавидели, третировали, угрожали физическим уничтожением.

С такими угрозами я получал "послания" по за подписью какого-то "товарищества имени Мухоморова", то анонимные письма, фальшивые письма и пр. (Всю эту корреспонденцию я отдавал в НКВД БССР).

Не было такого ругательства, клеветы, измышлений, которые не находили бы места национализму и националистам-эмигрантам в своих изданиях. Они называли меня и "первым каменным радостям" и "индустриальным московским комиссаром" и владели Института

меня белорусскими поэтом, ибо ни их "теория" в белорусский поэтический язык, ни поэзия только тема-тикой из советской жизни (то-бишь кулачковой!), а не сын города, не в городе, а работая там, а диктатуре пролетариата, а рабочий класс, но "теория" националистов, враг белорусской культуры, он, мол, "рассадник русификации".

Показательство, это и в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками белорусами, т. н. белорусская рада, клевета в своих изданиях на Ленинско-Гомельскую национальную полицию, Эмрадствуз, писания, это, мол, "даже такого партийного одитора", меня введу меня, "и того сослани в лагерь".

В западно-белорусских националистических изданиях, я весь период их существования, не одна строка из моих произведений не была перепечатана, ибо все мои стихи и поэмы направлены против врагов народа, против партии партийной ирационально, митавно ко всему новому, это создает народ над руководством Коммунистической партии. И если молвилось мои произведения за рубежом, то это перепечатка моих стихов в газете "Правда" в Америке в газете прогрессивной "Найравленни", издававшейся на русском языке, или переводы моих стихов "Сасна", "Комсомолю", в прогрессивных журналах Болгарии, Чехословакии.

Это бы увидеть мое общественно-политическое лицо, поговоривать мне, как говорится, ну что, это бы убедитесь, это я старался идти в ногу с жизнью страны, это я служил молодую советскую республику. Обязанны трудом человека, Партию, илюрал вещей трудящихся от победы к победе, - достигают прогресс, написанные в разне газете, мои произведения: "Сасна", "Комсомолю", "Падму імя вызвалення", "Тісноту пра варага", "Цены на сонцы", "Аукцыён", "Пазганізнал вена", "Векаполная восени", "Клебанал зіма", "Мігаліват дарога", "Паларная ног", "Усётанука", "Тісня болшэвіка", "Наз у разведчы", "Сімна блесітрамных", "Сусіртга з гаварыміамі Сталінскім" срыхн о Западнай Беларусі, піесы "Найар", роман в стихах "Народженне галавеш" и др. Ознакомившись с этими моими работами можно убедиться, что они своим содержанием наиболее правдиво прояв врагов советского строя жизни. Неогарце из них являлись оружием в руках

Коммунистической партии в борьбе с белорусско-украинскими буржуазными националистами.

И националисты мне мстили, преследовали меня, всячески старались помешать распространению моих литературных трудов.

Так было со стихами "Наз у разведучы" - пром. Серго Ордноныкыдзе в борьбе за освобождение Белоруссии от белополяков. Эти стихи в белорусских не напечатали, мотивируя тем, что там, видите ли, имеются "Националистические срывы". И только после того, как стихи были опубликованы на страницах газеты "Правда", благодарителем майельскому ЦК КПБ - они были напечатаны в БССР (за эти стихи на Всесоюзном конгрессе газет "Правда" на мужскую швейцарскую кепку я был премирован).

Также мне мление было и со стихами "Сцена бесприютных" - памяти С. М. Кирова. (Партийная Правление ССР БССР признала эти стихи мужскими в белорусской советской поэзии, отметил это в Послании к Ленину, опубликованном в газете "Літаратура і мастацтва").

Стихотворение "Всех за одного", направленное против бухаринских бандитов, в белорусской печати так и не появилось, хотя также было опубликовано на стр. газеты "Правда".

В 1926 году я написал поэму-памфлет "Меня на санях", где указал через газетный типок гав. министров белорусской рады, десерт, помещиков и им индубках, кларте, направившись в советские учреждения, производили подрывную работу против молодой советской республики.

Появление этой поэмы в журнале "Полымя" № 12 за 1926 г. - было долгой борьбой, бравадой в националистическом плане. Националисты со звериной яростью обрушились на меня, как автора этой поэмы, писали письма-протесты, требовали изъять из журнала, где помещена поэма.

В очередном № журнала "Полымя" (№ 1 за 1927 г.), вместо продолжения поэмы, было опубликовано письмо "Аг рэдакцыі" в котором последняя, посетившу, извинилась за напечатанные поэмы "Цені на санях", направленные против прогнивших поэмы были сданы в разбор.

И только лишь поэма была опубликована

по иніцыятыве тэацый-кмітунскаў в 1930г. (8)
в журнале "Малодник" и го мого арестна
неоднократно переиздавалась, негатамась в
учебниках, и вучалась в школах, являлась средством
всейтамыя молодежни в духе ненависти к зам-
лярым врагам народа.

Пример того, как националисты и бжались
активнейше меня перед советской общественностью,
говорил и такой факт.

В 1928 или 29г. илмй А. Дудар наймсам счи-
ти "пасеклы нам край", льмо активнейшего со-
держания, кльорое негатамось, без илмйи авторя,
распространилось в Минск. Националисты
провокационно пудрили слух, что авторство
этих стрмль принадлежнт мне. Этим вопросом
спецнально занималась илтерэдуоная карбжн-
ная организация, кльорая устанавлена млы
зейсий вышешного авторя - А. Дударя; опубликовав
об этом свое решение в газетях БССР.

Активнее уграење я принимала и в борьбе
за илсипитю белорусского илтерэдуоного ярмья,
кльорое засоренно взлмта словами, созданными
по националистическому образцу, илтиль стр-
мления националистов оторвать развитие бело-
русского илтерэдуоного речи от язка великого
русского народа.

О том, что на это важно, и весьма илгром
ураишке классової борьбы, я сгола на правиль-
ных партийных позициях свидетельствует моя
работя "Классовая борьба на ярмыведческом
фронте," а также книги, изданные, ил мого
инициативе, Академией Наук БССР, - "Тисафель и ям-
"Тисафель и реформе иравомисания белорусского
ярмья," - эти книги выпущены илм мого редакцией
и с илмйи вступительными стайблми.

Когда был излмт из обращения русско-белорусский
словарь Байкова и Кедровича, то его национа-
листическую сущность, по решению ЦК КЛБ я
был найравлен на работу в илсипитю ярмья
Академии Наук БССР специально для илмготовки
и илчания нового словаря. Под мого редакцией и
с мого вступительной стайблей был илчан
русско-белорусский словарь илдателством Академии
Наук БССР. И не-смотря на то, что этот словарь
был не илмный и го в нем илмлось недослйтки
научного характера, по своей илдейной насыщенности

он был словарь советский, нам и оказал немалую услугу в борьбе с националистами.

По заданию ЦК КПБ я писал брошюры о жизни Советской Белоруссии, которые немаломасштабно распространялись среди трудящихся Западнй Белоруссии, находящейся под белополяским ярмом, с целью довести до них правду о жизни советских людей.

По заданию ЦК КПБ я возглавлял творческую бригаду (Л. Купала, Л. Клеос, П. Бравин, П. Трубецкой) и принимал участие, как поэт, в создании поэмы «Письмо белорусского народа Вликому Сталину», которая в настоящее время служит музеем при издании белорусской советской поэзии.

По заданию Парторганизации СП БССР я выполнял специальную работу по агитации Л. Купала в быту этой культуры. Националистического окружения.

Работал над переводами на белорусский язык русской классической поэзии, сжигав советских поэтов; на белорусский язык перевел поэтический текст «Интернационала».

О своих ошибках и срывах

В раннем периоде моей литературной деятельности, мной были допущены ошибки, проявление которых объясняется сложными, в то время, распадавшимися классовыми силами республики, низким уровнем моей политической культуры. Ошибки эти мной были осознаны, признаны и всецело последующей моей работой были перестроены и начаты исправления; ошибки эти были в основном тактичными, стратегическими.

В 1928 году за участие в т. н. «Письме 3-х писателей» мне был объявлен суровый выговор. В 1930г. Это возмущение было ЦК КПБ снято с меня, упрямивало дело истребительного барьера с националистами.

Несмотря на то, что в отношении меня были архивные и иные давние данные (за много лет до моего ареста) мной признаны и делом исправлены мои политические ошибки и на неопределенном мне сроке наказания избежаны их раздувания. Так, например, они «наши» «разрывают» наименее много арестов, в котором допущен с моей стороны недочет, малозначительный по существу. Так, напр., они признаются политическим оппортунизмом мою поэму «Учю на санях», заявляя, что я в этой поэме

Виступили прайме „меллий сошки“, а не прайме (10
„тузов“ белорусской к.р., тична Хервильва и др.

Падша мнэй написана в 1926 году и я не смог
тогда разіознаць вражеское лице Хервильова и
ему поданных, которые были разоблачены в 1937 г.

Падша, кроме абрисованых типичных типов
националистов, со сирасительной аргументацией выцель на-
ционализм как тумоля, этика наемников шпионской
разведки, сирасительной Пиньвудского, предавшего бело-
русского народа. И никоим образом не удвоясь,
агерничей эту индустрию, который и сейчас политически
не притупился, и сейчас дашкой глубины ненависти
к врагам социализма и грядущей за свои со-
ветскую державу.

В 1937 г. меня исключили из партии Гомели
на основе тех моих политических писем, которые
были задержаны мной до 1938 г.

По поводу ходатайству в Гом.-шт. 1937 г.
Бюро ЦК КПБ ввележивать меня в печать
партии.

Всего свая сознательную ниточку я желать
выполнила ввело коммунистической партии.

Как партий-коммунист я грядущей тем, что
враги партии и народа не могут спокойно
упомянуть мое имя; это, я думаю, ко-
рошая оценка моей работы, который и обраво-
зны над руководителем коммунистической партии

Все последующие годы, после ареста, я так же
добросовестно трудился как советский человек,
как патриот своей Родины. Будучи в зак-
лючении, я обрабатываю покажем в труде,
та участие в культурно-массовый работы
производственной среди так же, в лагерных
периодических изданиях, я получаю от командования
благодарности, премии, грамоты, а также
плакаты асабо (печатали на ВД СССР).

После освобождения из лагеря, буржуазия в
г. Минске (1947-1949) я работал в редакции
газеты Минского тракторного завода. В моем
работе в МТЗ узнают и могут рассмотреть
Б.с. Партия ЦК на заводе пос. Мубенский, в редак-
тор газет тиче. Касав.

Работа на сирасительном участке Бетран-
тоградский, я получаю премии за высшие

покараивши в тюрьме, был занесен на Доску Поэта сибирячкой Минского Трестирного завода.

Вскоре, после моего приезда в Минск (1947), я был принят был. в то время секретарем ЦК КПБ и Председателем Совета Министров БССР тов. Пономаренко П. К., который в беседе со мной подтвердил мою невиновность и призвал активно включиться в социальную жизнь республики.

По моему возвращении из лагеря в Минск, а также с меня судились ходатайствовали Завком Минского Трестирного завода, депутатом Верховного Совета СССР и БССР, лауреатом Государственных премий, Народный герой республики Якуб Калос, Председатель Краевой Совета Советских писателей БССР, депутатом Верховного Совета БССР писателем М. Миньков, депутатом Верховного Совета БССР, лауреатом Битвинских премий, писателем Крайова, депутатом Верховного Совета БССР, Народный художник БССР, председатель Совета Советских художников белоруссии Г. Ахремчик, доктор Биологических наук, профессор тов. Даронкин и др.

Однако, в феврале 1949г., без всяких оснований на то оснований меня арестовали и выслали на поселение в Крайневский край.

Проживая сейчас в г. Канске Крайневского края я использую всюду возможность для продолжения любимой своей творческой работы. Подготавливаю сборник новых стихов; кроме того перевел на белорусский язык стихи, известные белорусским, более 20 русских советских поэтов, а также работал над утверждением нового перевода поэмы А. С. Пушкина "Руслан и Людмила", который был опубликован в 1937г. в журнале "Полынь", а после моего ареста, в 1939 году была издана, под редакцией Анны Купаль, стихотворной книжкой, но без указания моей фамилии, как переводчика.

Работая сейчас музгитаристом в Канском лесхозхозе. За свою работу неоднократно

112
плуга благодарности с занесением в
книжку дела, плуга премии. В 1954 и 1955...
за активные участие по проведению массово-
политической работы среди колхозников премиро-
ваны курортными путевками в туберку-
лезный санаторий. Принимал участие в
политически-политической жизни района. В
1954. избирается председателем окружной
избирательной комиссии по выборам в
сельский совет.

Несмотря на то, что я на протяжении в течение
физическом состоянии (я страдаю туберкулезом
легких) мое сердце, мозг, все мое существо
гемоглобин, с 16 лет вступил в ряды партии
подвигает меня бороться за победу коммунизма
в последнее время своей жизни, за дружбу
народов, объединенных в великую советскую
семью.

Трагично удивляет видеть мало юности, вернуть
меня в советские условия, как верного сына
своего народа, ни в чем неповинного перед
родной партией, перед любимой Родиной!

30 мая 1955г.

Андрей Александрович

г. Канск, Красноярского края
Гидролизный техникум
Александрович Андрей Иванович

№ 148

Комитет Партийного Контроля
при ЦК КПСС

Москва, Старая площадь, д. 5/8

7
" 24 " и ю н я 1955 года

АЛЕКСАНДРОВИЧУ Андрею Ивановичу

г. Канск, Красноярского края,
гидролизный техникум.

Просим прислать в КПК при ЦК КПСС производственную характеристику с места работы, а также сообщить в какой первичной партийной организации, райкоме партии Вы последнее время состояли на партийном учете.

Ответ. контролер КПК
при ЦК КПСС

Сморозин

(Сморозин)